

RU

Концепт СЛАКТИВИЗМ и его реализация в сетевых дискурсивных практиках (на материале русского, английского и французского языков)

Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н.

Аннотация. Настоящая публикация выполнена в русле исследования неологии современного языка под влиянием активного использования интернет-коммуникации и сетевых дискурсивных практик. Цель проведенного изыскания – выявить семантико-прагматические характеристики языковой реализации концепта СЛАКТИВИЗМ. Утверждается социальная значимость концепта, определяются его пересечения и соотношения со схожими по смыслу концептами, например ПРОПАГАНДА, АКТИВИЗМ, курсирующими в современном сетевом информационном пространстве. Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые на материале русского, английского и французского языков дано системное описание нового, не изученного в отечественной филологии концепта с акцентированием истории его возникновения, противоречивого характера языковой реализации в цифровом дискурсе новых медиа и сетевых технодискурсивных практиках. В результате концепт СЛАКТИВИЗМ показан как выражение новой формы интернет-активности, которая способствует социальным и политическим изменениям как в масштабах узкого, так и самого широкого геополитического пространства. Исследование на языковом уровне свидетельствует о предпочтениях образных номинаций, а также об общих способах репрезентации в европейских языках и национально-культурной специфике.

EN

The concept of SLACKTIVISM and its implementation in network discursive practices (based on the Russian, English, and French languages)

Borodulina N. Y., Makeeva M. N.

Abstract. This publication is conducted in the stream of studying neology in the modern language influenced by the active use of internet communication and network discursive practices. The aim of the research is to identify the semantic and pragmatic characteristics of the linguistic realization of the concept of SLACKTIVISM. The social significance of the concept is asserted, its intersections and relationships with semantically similar concepts such as PROPAGANDA, ACTIVISM circulating in the modern networked information space are determined. The scientific novelty of the conducted research lies in providing a systematic description of a new, unstudied concept in domestic philology, on the basis of the Russian, English, and French languages. This includes accentuating the history of its emergence, the contradictory nature of its linguistic implementation in the digital discourse of new media, and network techno-discursive practices. As a result, the concept of SLACKTIVISM is portrayed as an expression of a new form of internet activity that contributes to social and political changes both on a narrow scale and in the broader geopolitical space. The linguistic level examination indicates preferences for figurative nominations and common means of representation in European languages and national-cultural specificity.

Введение

Актуальность проведенного исследования обуславливается прежде всего тем, что оно вписывается в круг проблем когнитивного-дискурсивной парадигмы современных научных работ, а также обращено к лингвистике новых медиа и анализу словообразовательных процессов, характерных для сетевых дискурсивных практик.

Интернет зародился не так давно, но он прочно вошел и в нашу жизнь, и в наш язык. С момента своего появления Интернет эволюционировал в геометрической прогрессии и перешел с Web 1.0 (позволяет просто

просматривать информацию) в Web 2.0 (дает возможности интерактивного просмотра, производства и распространения этой информации). Этот переход сопровождался появлением и повсеместным использованием сетевой коммуникации, развитием сетевых дискурсивных (технодискурсивных в терминах М.-А. Paveau (2017)) практик. Новые информационные и коммуникационные технологии и Интернет позволили в некотором смысле преодолеть дистанцию, разделяющую коммуникантов, и ускорить распространение информации. В лингвистике актуальные исследования на базе Интернета проводятся в соответствии с акцентированием особенностей нелинейного представления сообщений, гипертекстуальностью, одновременностью нескольких коммуникаций на одном экране с созданием гибридного информационного пространства, в котором цифровые сообщения дублируются, подвергаются трансформации, дополняются и циркулируют по Сети с изменением контекста. Кроме того, обращение к некоторым платформам сопровождается метаданными, ссылками и комментариями, что в конечном итоге меняет риторику коммуникации и ее языковое и неязыковое содержание. Интернет и сетевое общение способствуют не только унифицированию способов саморепрезентации, выделению себя из общей массы, но и проявлению реакций пользователей Сети относительно других коммуникантов и социума в целом.

В соответствии с поставленной целью в задачи данного исследования включено: 1) представить историю возникновения концепта СЛАКТИВИЗМ и его научного определения в отечественных и зарубежных изданиях; 2) описать структуру концепта; 3) продемонстрировать его характеристики и возможности языковой репрезентации; 4) охарактеризовать социальную значимость концепта и его соотносимость с такими концептами, как ПРОПАГАНДА и АКТИВИЗМ.

При исследовании применялась общенаучная методология, включающая следующие методы: 1) исторический для выявления хронологической последовательности возникновения концепта и его научного обоснования; 2) метод анализа и метод обобщения для всестороннего изучения объекта исследования, установления общих свойств и основных признаков; 3) метод синтеза и метод аналогии для нахождения взаимосвязей и взаимозависимостей; 4) метод концептуального анализа как основного в когнитивных исследованиях.

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, основанной на трудах, посвященных актуальным вопросам описания концептов, в том числе социально-значимых (Болдырев, 2018; Кузнецов, 2008; Степанов, 2004), словообразованию и неологии (Мокиенко, 2003; 2016), а также лингвистике новых медиа и цифровых дискурсивных практик (Ахренова, 2020; Галичкина, 2021; Paveau, 2017).

В качестве практического материала исследования использовались ссылки на онлайн-словари и европейские интернет-платформы:

- Оксфордский словарь добавил миру харизмы. Названо слово 2023 года, в нем «виноваты» соцсети. 2023. <https://www.fontanka.ru/2023/12/04/72981983/>;
- Почему все словари мира выбрали словом года 2023 термины из области искусственного интеллекта? 2023. <https://vfokuse.mail.ru/article/pochemu-vse-slovari-mira-vybrali-slovom-goda-2023-terminy-iz-oblasti-iskusstvennogo-59090726/>;
- Хворостинин Д. И. Записки лингвиста. Толковый словарь. 2020. <https://khvorostin.com/dictionary/slacktivism/>;
- Bounemoura H. Militantisme en ligne: Le “slacktivism”, véritable activisme ou mobilisation de canapé? 2020. <https://www.20minutes.fr/high-tech/2828859-20201031-militantisme-ligne-slacktivism-veritable-activisme-mobilisation-canape>;
- Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/slacktivism>;
- Cyclotrade, pfas, skeu, sologame... Quel sera le mot de l'année 2023? Les votes sont ouverts. 2023. <https://www.rtf.be/article/quel-sera-le-mot-de-lannee-2023-les-votes-sont-ouverts-11296947>;
- Dupé Ch. Le “slacktivism”, ce concept qui pourrait relancer la participation des jeunes aux élections. 2021. https://www.huffingtonpost.fr/politique/article/le-slacktivism-ce-concept-qui-pourrait-relancer-la-participation-des-jeunes-aux-elections_182320.html;
- Larousse. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/activisme/945>;
- Oxford Reference. <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780191803093.001.0001/acref-9780191803093-e-1348>;
- Qu'est-ce que le slacktivism? <https://fr.theastrologypage.com/slacktivism>;
- YandexGPT: нейросеть. https://ya.ru/alisa_davay_pridumaem?utm_source=landing.

Практическая значимость исследования усматривается в том, что полученные в ходе научного анализа результаты могут быть использованы в процессе преподавания таких университетских дисциплин, как теория языка, теория коммуникации, лексикология, стилистика.

Обсуждение и результаты

Социальные сети и современные цифровые медиа создали новую динамику социальной активности, получившую обозначение *слактивизм* или *слэктивизм* (далее мы будем оперировать первым термином), под ним понимается активистская деятельность с использованием социально-цифровых средств массовой информации с низким уровнем риска и низкой стоимостью, проводимая обычно молодыми людьми с целью повышения осведомленности, внесения изменений или достижения личного удовлетворения.

Примеры подобной активности приводятся в публикациях D. J. Wilkins, A. G. Livingstone, M. Levine (2019), Ch. Dabbabi, M. Lalancette, L. Trespeuch (2022):

- 7 января 2015 года многие пользователи Интернета изменили свою фотографию профиля, чтобы разместить на ней знаменитое *Je suis Charlie / Я Шарли* (здесь и далее – перевод авторов статьи. – Н. Б., М. М.);
- 13 октября 2018 года П. Людоски, молодая французская предпринимательница, опубликовала интернет-петицию с требованием снизить цены на бензин, которая собрала более миллиона подписей, а автор петиции стала инициатором создания движения желтых жилетов;
- 2 июня 2020 года движение “Black Lives Matter” подало онлайн-петицию, которая собрала более 19 миллионов подписей с требованием восстановить справедливость в отношении Д. Флойда, афроамериканца, убитого белым полицейским из Департамента Миннеаполиса в разгар пандемии COVID-19.

Предпосылками для социальной и языковой реализации нового концепта стали развитие Интернета и связанная с ним демократизация цифрового общения, а также появление в Сети таких технодискурсивных практик, как *делиться, ставить лайки, комментировать, парафировать форму (страницу) в Интернете (share, like, comment, initial a form (page) on the Internet, j'aime, j'accepte, partager, commenter)*. На первый взгляд, эти практики могут рассматриваться как жесты, на которые пользователи Сети тратят несколько секунд и которые могут быть сопоставлены с временным вмешательством в ту или иную обсуждаемую интернет-коммуникантами ситуацию, что, в свою очередь, может или не может сдвинуть дело с мертвой точки. Именно эта форма активности в социальных и цифровых сетях и была названа *слактивизмом*.

Слактивизм – это неологизм, образованный путем словосложения, т. е. слово-чемодан, результат слияния английских лексем *slacker / ленивый, вялый* и *activism/активизм*, что может интерпретироваться также как выражение «мягкого» активизма, позволяющего себе расслабиться. Несмотря на кажущийся уничижительный оттенок, связанный с ленью и нарциссизмом, неологизм с начала своего возникновения использовался положительно, обозначая онлайн-ую, мелкомасштабную и личную деятельность, предпринимаемую молодыми людьми на благо сообщества (Kristofferson, White, Pelozo, 2014).

Слактивизм может рассматриваться также как оксюморон, составленный из концептуально противоположных по значению слов, используемый для описания явления внешнего воплощения активности индивида, не подкрепленного реальными внутренними установками. Это действия такого человека, которого можно обозначить как *слактивиста* (Догаев, 2017).

В отечественных и зарубежных научных публикациях появление и формирование концепта СЛАКТИВИЗМ дополнялось противоречивыми оценками обозначаемого им явления, соотносимого с готовностью провести символическую и относительно недорогую демонстрацию поддержки социального дела, сопровождающуюся отсутствием намерения приложить активные усилия для реализации видимых изменений. Такое социальное поведение характеризовалось многими учеными как «паразитическая» деятельность, основанная на простом ленивом управлении цифровым контентом (например, изображениями и видео). Подробно отрицательная коннотация неологизма была проанализирована в работе Е. Morozov (2009), не увидевшего в нем никакого политического или социального воздействия, а лишь инструмент «цифрового отдаления» от цели демократизации и построения глобального гражданского общества. Отмечалось, что *слактивизм* уводит потенциальных протестантов от выражения реальной активности (демонстрации, сидячие забастовки, конфронтации с полицией и под.), т. е. способствует деградации политических движений.

Уничижительный оттенок значения подчеркивается и в немногочисленных словарных статьях, раскрывающих значение нового концепта, например:

- *уничижительный термин, описывающий «самоуспокоительные» действия в поддержку того или иного вопроса или решения какой-либо социальной проблемы, имеющие, однако, мало практического эффекта или не имеющие его совсем; диванный активизм* (Хворостинин, 2020);
- *...ces actions... ne produisent aucun effet tangible, en termes de promotion d'une cause (Qu'est-ce que le slacktivism?) / ...эти действия... не дают осязательного эффекта с точки зрения продвижения дела (Qu'est-ce que le slacktivism?)*;
- *Such forms of advocacy, particularly those related to social media, are often derisively referred to as “slacktivism” or “armchair activism” (Cambridge Dictionary). / Такие формы защиты, особенно те, которые связаны с социальными сетями, часто насмешливо называют «слактивизмом» или «кабинетным активизмом»*;
- *The term is typically used pejoratively to refer to people who don't want to devote time or money to such causes (Oxford Reference). / Этот термин обычно используется уничижительно для обозначения людей, которые не хотят тратить время или деньги на подобные цели.*

По данным нейросети “YandexGPT”, *слактивизм* – это форма интернет-активизма, которая подразумевает под собой демонстрацию минимальной активности в поддержку какой-либо деятельности или движения. Это может включать в себя подписание онлайн-петиций, репост сообщений или лайки в социальных сетях.

Некоторые исследователи отстаивают идею о том, что указанные символические действия в Интернете создают новые возможности для когнитивного взаимодействия, дискурсивного участия и политической мобилизации (Dennis, 2019).

К. Джонс (Jones, 2015) отмечает, что распространение социальных роликов подходит под описание проявления *слактивизма*, и такого рода активность не только увеличивает осведомленность пользователей, но и побуждает их к реальным действиям, например, жертвованиям.

П. П. Догаев (2017), подводя итоги изучения электронных петиций, подчеркивает, что механизмы, присущие слактивизму, обладают способностью оказывать воздействие на динамику общественных процессов, обращая внимание на ключевые общественные проблемы и стимулируя участие граждан в обсуждении и решении важных вопросов, как в реальном мире, так и в онлайн-среде.

В научной литературе также акцентируется недорогое и малорискованное участие в благотворительных и социальных сетевых акциях (социальные сети позволяют бесплатно получать доступ к информации и делиться ею), а также возможности для инициации к подобной активности людей с ограниченными возможностями. Отмечается, что ситуация с пандемией COVID-19 показала роль социально-цифровых медиа в качестве инструментов, эффективно используемых для социальных изменений (Lee, Hsieh, 2013; Dabbabi, Lalancette, Trespeuch, 2022).

Таким образом, пусть и короткая, но все же история возникновения концепта СЛАКТИВИЗМ свидетельствует о том, что со временем менялась либо уточнялась содержательная (понятийная) сторона концепта.

С ростом популярности социальных сетей и появлением новых платформ (“Clubhouse” – платформа для голосового общения в тематических комнатах; “OnlyFans” – сервис, позволяющий создателям контента получать плату за доступ к своему контенту; “Notion” – универсальное рабочее пространство для заметок, задач, проектов и баз данных и т. д.) онлайн-активность в последние годы усилилась и приняла актуальные формы, сравнимые с флаерами. Публикация фотографии, на которой изображен поднятый кулак в поддержку демонстраций против насилия, замена аватарки, добавление фильтра, повторяющего цвета флага, и просто лайк на публикацию статьи считаются проявлениями слактивизма. Каждое общественное движение сегодня обязано существовать в цифровом формате, а слактивизм позволяет координировать и привлекать большее число сторонников, пусть для некоторых это и остается только способом успокоить свою совесть.

В качестве примера положительного оценивания слактивизма приведем мнение одного из пользователей:

“Le hashtag #UberCestOver, que j’ai lancé l’an dernier à la suite d’agressions sexuelles commises par des chauffeurs Uber, a permis, par sa viralité, de faire concrètement bouger les choses”, reconnaît la militante féministe Anna Toumazoff. “En retweetant un simple hashtag, on peut faire avancer une cause. Cette forme d’activisme est donc essentielle aujourd’hui. Et c’est aussi une manière d’inclure des gens parfois mis de côté et qui, à travers, ce militantisme peuvent s’exprimer” (Bounemoura, 2020). / «Хэштег #UberCestOver, который я запустила в прошлом году после сексуальных посягательств со стороны водителей Uber, благодаря своей вирусности позволил добиться реальных результатов», – признает активистка феминистского движения Анна Тумазофф. «Ретвитнув простой хэштег, можно продвинуть дело вперед. Таким образом, эта форма активности необходима сегодня. И это также способ привлечь людей, которые иногда остаются в стороне и через них может проявиться эта активность».

Другой пример – это результат проведения одной из самых популярных петиций в русскоязычном сегменте Интернета – «Верните Пушкина и Лермонтова в кодификатор ЕГЭ по литературе» на портале “Change.org”, которую за четыре дня подписали более 620 тысяч человек, выразив свою сопричастность возмущениям филологов, учителей и общественности (Лукьянова А. «Пушкина выкинули из ЕГЭ!»: Чем закончился скандал вокруг экзамена по литературе. 2023. <https://www.kp.ru/daily/27549/4816276/>[/https://www.kp.ru/daily/27549/4816276/](https://www.kp.ru/daily/27549/4816276/)).

Анализ публикаций в Интернете позволил отнести к проявлениям слактивизма следующие формы онлайн-активности:

- подписание онлайн-петиций;
- одобрение или «репост» заметок в социальных сетях;
- распространение социальных роликов;
- размещение хэштегов;
- возможности ставить лайки, вести блог, изменять свой профиль в поддержку политических или социальных целей в социальных сетях и т. д.

К переосмыслению концепции политического участия и поддержке слактивизма призывают сегодня организаторы избирательной кампании во Франции, признавая, что социальные сети позволяют формировать политическое сознание, и напоминая, что каждый пользователь Интернета потенциально является избирателем. Каждая политическая партия должна полностью осознавать роль слактивизма в активности лиц в возрасте 18-25 и 25-29 лет, среди которых 24% и 20% соответственно воздержались в 2017 году от голосования в президентских выборах, несмотря на то, что они были включены в списки избирателей (Dupé, 2021). В этой связи присутствие политиков в социальных сетях не следует оценивать как случайность: сетевое общение позволяет им стать более узнаваемыми и понятными среди пользователей Интернета.

Таким образом, можно заключить, что мы можем говорить о формировании нового концепта, отражающего современные реалии развития цифровой коммуникации и сетевых дискурсивных практик, активно завоевывающего свое место в лексической системе европейских языков. Это соответствует понятийному компоненту структуры концепта, передающему информационное содержание (наиболее важные информационные признаки предмета, явления) и составляющему ядерную часть концепта.

Периферийную часть концепта представляет интерпретационное поле, включающее прежде всего мощную ценностную составляющую в виде оценочных характеристик и социальных поведенческих норм. Последнее позволяет отнести рассматриваемый концепт к социально-значимым, обладающим высоким аксиологическим потенциалом.

К области дальней периферии могут быть причислены связи и взаимодействия концепта с другими, близкими по значению из концептуальной системы носителей языка.

Исследование словоформ, используемых для репрезентации концепта СЛАКТИВИЗМ на русских, английских и французских интернет-платформах, выявило преимущественное обращение к образным номинациям,

а значит и сопровождение чувственными, эмотивными коннотациями. Эти номинации отражают ассоциации с действиями, требующими минимальных усилий и отсутствия передвижений, т. е. действиями, которые возможны непосредственно со своего компьютера. По способу словообразования репрезентация концепта выглядит следующим образом:

1. *Диванный активизм, ленивый активизм, вялый активизм, couch activism, sluggish activism, activisme paresseux* – группа метафор, основанных на оксюмороны и акцентирующих отсутствие реальных действий, что роднит исследуемый концепт с моделью поведения бездельника, лентяя.

2. *Диванные войска, диванная война, home army, sofa war, les militaires de chambre, militantisme de canapé, militaires de canapé* – метафоры, относящиеся к милитаристской модели, которая характеризует четко ориентированную аудиторию социальных сетей, обладающую боевым настроем и формирующую положительный морально-нравственный облик соратников по борьбе за справедливость.

3. *Кликтивизм, активизм кликов, сетевой активизм, интернет-активизм, киберактивизм, хактивизм* (сокращение терминов «хакер» и «активизм»), *clicktivism, on line activism, hacktivism, militantisme du clic, militantisme en ligne, activisme numérique, hacktivism* – группа образных средств, которая может быть отнесена к метонимической модели, основанной на переносе значения через логическую связь (с инструмента деятельности на саму деятельность).

4. *Social champions / champions sociaux / социальные чемпионы (поборники социальных прав); performative activism / activisme performative / перформативный активизм* – группа метафор, обладающая национально-культурной маркированностью, используемая в английском и французском языках и акцентирующая излишнюю и даже показную активность, которую можно назвать «позерством». Приверженцы этого течения – обычно влиятельные люди, демонстрирующие свое истинное лицо с помощью перформативной активности (перформанс – рекламная акция с неизменным ярким эффектом).

Примеры с портала «Change.org» свидетельствуют о разнообразии риторических приемов и языковых/неязыковых средств для вербализации концепта, отражающего побуждение к онлайн-активности:

- лексические повторы (*Администрация музея «Петергоф» не пустила девушку на инвалидной коляске в здание Большого дворца. Коляска, по словам сотрудников музея, «может поцарапать лестницу». Людям на инвалидной коляске доступен только первый этаж и видео-экскурсия*);

- повторы морфем (*Да и среди неруководящего звена много незаменимых сотрудников*);
- эллипсис, восстанавливаемый из самой языковой конструкции, превращающей высказывание в лозунг (*Очереди в детсады и школы по 35 человек в классе. Какие новые дети и новые беременности?*);

- использование «мы-дискурса» для создания эффекта сопричастности (*Мы на грани исчезновения. Мы имеем право на охрану нашего здоровья...*);

- использование «я-дискурса» для создания эффекта ответственности (*Я знаю, что проблема существует во многих регионах РФ. Сама я живу в Татарстане и хочу рассказать вам, как выглядит ситуация у нас*).

Апеллирование к чувствам обеспечивается за счет образных номинаций (*Это «главный роддом и ясли для белого медведя»*), восклицательных, вопросительных и повелительных конструкций (*Вертолета у нас нет! Неужели мы забудем нашу культуру??? Накажите живодеpa и убийцу собак!*), шрифтовых выделений и прописных букв, акцентирующих внимание на проблемной ситуации (*...автобусы, на которых дети могут передвигаться безопасно в установленное графиком время, СПИСЫВАЮТСЯ, вместо того, чтобы перевозить детей имеющих ОСТРУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ!*) (орфография и пунктуация сохранены) (<https://www.change.org>).

Говоря о сочетаемости и взаимосвязях исследуемого концепта с другими социально значимыми концептами анализируемых языков, отметим, что среди неологизмов все чаще мы встречаем те, которые относятся, во-первых, к культуре цифрового общения, а во-вторых, отражая область знания социальной сферы. Свидетельством этого могут быть номинанты ежегодного проекта «Слово года», среди которых в последнее время отмечались такие слова, как *GPT, нейросеть, искусственный интеллект (ИИ), prompts* (инструкции для искусственного интеллекта, способного генерировать текст и изображения), *deinfluencing* (использование лидерами мнений социальных сетей), *goblin mode* (отношение или поведение, отвергающее социальные ожидания), *hallucinate/галлюцинировать* (ситуация, когда искусственный интеллект выдает ложную информацию), *ultracrepidarianisme* (поведение, заключающееся в высказывании своего мнения по вопросам, в отношении которых у человека нет заслуженного доверия или продемонстрированной компетенции) (Оксфордский словарь..., 2023; Cyclostrade, pfas..., 2023; Почему все словари..., 2023).

Анализ на семантическом уровне позволяет заключить, что наибольшее пересечение репрезентант «слактивизм» имеет с лексемой «пропаганда», вербализующей соответствующий концепт.

В своей книге Е. Ф. Augé (2007) определяет пропаганду как стратегию массовых коммуникаций, целью которой является влияние мнений и действий отдельных лиц или групп посредством предвзятой информации. Е. Ф. Augé (2007) добавляет, что в современном контексте термин «пропаганда» облекается в «ценностное суждение», которое напрямую применимо к коммуникации. Пропаганда может быть наполнена важным эмоциональным измерением, будет доминировать над рефлексией и, кроме того, будет адаптирована к целевой аудитории, а также к окружающему контексту. Как писали N. Chomsky и R. W. McChesney (2006), именно Интернет позволил открыть новые возможности пропаганды с точки зрения коммуникации.

Социальные сети обладают уникальными характеристиками, которые влияют на контакты между пользователями Интернета, такими как надежность данных, воспроизводимость и простота поиска, а также доступность, что позволяет любому человеку активно участвовать в онлайн-контенте и быть в курсе событий.

В этом смысле исследуемый нами концепт СЛАКТИВИЗМ коррелирует с концептом АКТИВИЗМ, представляя такие стратегии участия в массовых коммуникациях, которые отражают влияние мнений и действий отдельных лиц или групп посредством управления информацией с помощью технодискурсивных практик.

Находясь в видимом противоречии с концептом АКТИВИЗМ, концепт СЛАКТИВИЗМ имеет с ним также и много общих черт, вытекающих из представленных в словарных статьях дефинициях. Так, в словаре "Larousse" активизм показан как система поведения, которая отдает предпочтение прямым действиям, особенно в политической и социальной областях (Larousse).

Будучи выраженным различными способами протеста, такими как демонстрации, забастовки разного вида, например, сидячие, оккупации, бойкоты, марши, человеческие цепи, гражданское неповиновение, активизм включается и в так называемое «киберпространство», новое поле действий для активистов. Перерастание активизма в слактивизм обусловлено следующими причинами:

1) Интернет способствует быстрому и глобальному распространению усилий по мобилизации и коммуникации;

2) Интернет дал возможность разработать новые технодискурсивные инструменты, открытые и доступные для всех, что позволяет поддерживать гражданское общество в его социальных и политических требованиях;

3) простота доступа, наглядность, возможность взаимодействия между отдельными лицами или группами способствуют распространению демократии, т. е. позволяют отдельным лицам и группам лиц сотрудничать друг с другом, формировать фокус-группы, создавать контент и курировать его, выступать за, отстаивать или поддерживать различные причины и цели, разрушать социальные барьеры.

Бельгийские ученые следующим образом разводят понимание активизма и слактивизма: активизм – это действия в автономном режиме, слактивизм – это действия, основанные на Интернете. Если первый включает стратегии с высоким порогом (принятие возможных рисков), то второй подразумевает стратегии с низким порогом (низкий риск или его отсутствие) (Van Laer, Van Aelst, 2010).

Такой подход позволяет определить функции социально-цифровых медиа в контексте слактивизма как объединение всего набора приложений, платформ и сетей социальных коммуникаций в Интернете, которые объединяют в себе как технологии, так и социальное взаимодействие, а концепт СЛАКТИВИЗМ – как сформированный в цифровой картине мира европейских языков и приобретающий значительный социальный статус и потенциал широкого аксиологического использования в современных условиях доминирования цифровой коммуникации и цифровых технодискурсивных практик.

Заключение

В результате проведенного исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Формирование концепта СЛАКТИВИЗМ сопровождалось оценками научного сообщества, как положительными, так и отрицательными, при этом более пристально концепт исследовался социологами и политологами в силу специфики своего содержания. Тем не менее результаты освещения истории возникновения концепта и его репрезентаций в отечественных и зарубежных изданиях, как показал проведенный научный анализ, представляют несомненный интерес для филологии с точки зрения способов словообразования и противоречий, выявленных в структуре концепта характеристик.

2. Противоречия, которые сопровождали формирование концепта СЛАКТИВИЗМ в период развития Интернета и усовершенствования технодискурсивных практик, проявились в структуре концепта. Базовый слой концепта отражает содержательную часть, которая заключается в инициации к социальным и политическим манифестациям как личного характера с использованием возможностей ставить лайки, выражать оценки, размещать хэштеги и личные заметки, видеоролики в социальных сетях, так и принимать участие в таких масштабных акциях, как онлайн-протесты, петиции и добровольные пожертвования, в избирательной кампании. Периферийные слои концепта соотносятся с выявлением как отрицательных, так и положительных характеристик удаленной сопричастности к социальной и политической жизни, а также с выработкой соответствующих поведенческих норм. Последнее позволяет отнести рассматриваемый концепт к социально-значимым, обладающим высоким аксиологическим потенциалом.

К области дальней периферии могут быть отнесены связи и взаимодействия концепта с другими, близкими по значению из концептуальной системы носителей языка.

3. Продемонстрированы возможности языковой репрезентации концепта СЛАКТИВИЗМ. Отмечено, что в номинациях русского, английского и французского языков используются одинаковые образные средства, которые объединены в три группы: метафоры, образованные как оксюморон и акцентирующие отсутствие реальных действий; милитаристские метафоры, акцентирующие боевой дух коммуникантов; метонимии, основанные на переносе значения через логическую связь. Четвертая группа представлена словоформами, обладающими национально-культурной маркированностью и активно используемыми в английском и французском языках. Примеры образной репрезентации свидетельствуют об эмоциональной, чувственной стороне исследуемого концепта.

4. Социальная значимость концепта подтверждается его сочетаемостью и взаимосвязанностью с неологизмами из сферы культуры цифрового общения и отражающими знания из области социологии. Это номинанты ежегодного проекта «Слово года», такие, как *нейросеть*, *искусственный интеллект*, *deinfluencing* и т. п. Наибольшее пересечение наблюдается у концепта СЛАКТИВИЗМ с концептами ПРОПАГАНДА и АКТИВИЗМ:

все они обозначают стратегии массовых коммуникаций, целью которых является выражение и формирование общественного мнения и поведенческих норм через распространение определенной информации.

В качестве перспектив дальнейших исследований намечается проведение мониторинга неологического обеспечения цифрового общения и сравнительно-сопоставительного анализа выявленных лексических единиц и обозначаемых их концептов.

Источники | References

1. Ахренова Н. А. Коммуникация как область бытования интернет-дискурса // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2020. № 4 (40).
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Изд-е 2-е. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
3. Галичкина Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160).
4. Догаев П. П. Slackтивизм как форма общественно-политического участия в эпоху «пост-правды» // Политика и общество. 2017. № 8.
5. Кузнецов В. Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4.
6. Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2003.
7. Мокиенко В. М. Функции фразем в современных СМИ // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13).
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
9. Augé E. F. Petit traité de propagande. A l'usage de ceux qui la subissent. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur. Culture & Communication, 2007.
10. Chomsky N., McChesney R. W. Propagande, médias et démocratie. Montréal: Ecosociété, 2006.
11. Dabbabi Ch., Lalancette M., Trespeuch L. Le slacktivisme. Un maximum d'effet avec un minimum d'effort! // Communication. 2022. Vol. 39. № 2. <https://doi.org/10.4000/communication.15973>
12. Dennis J. Beyond Slacktivism: Political Participation on Social Media. Cham, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-00844-4>
13. Jones C. Slacktivism and the social benefits of social video: Sharing a video to 'help' a cause // First Monday. 2015. Vol. 20. Iss. 5.
14. Kristofferson K., White K., Peloza J. The nature of slacktivism: How the social observability of an initial act of token support affects subsequent prosocial action // Journal of Consumer Research. 2014. Vol. 40 (6).
15. Lee Y. H., Hsieh G. Does slacktivism hurt activism? The effects of moral balancing and consistency in online activism // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2013. Vol. 4. <https://doi.org/10.1145/2470654.2470770>
16. Morozov E. The brave new world of slacktivism // Foreign policy. 2009. Vol. 19.
17. Paveau M.-A. L'Analyse du discours numérique. Dictionnaire des formes et des pratiques. P.: Hermann, 2017.
18. Van Laer J., Van Aelst P. Internet and Social Movement Action Repertoires // Information Communication and Society Communication & Society. 2010. Vol. 8. <https://doi.org/10.1080/13691181003628307>
19. Wilkins D. J., Livingstone A. G., Levine M. All click, no action? Online action, efficacy perceptions, and prior experience combine to affect future collective action // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 91. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.09.007>

Информация об авторах | Author information

RU**Бородулина Наталия Юрьевна**¹, д. филол. н., проф.**Макеева Марина Николаевна**², д. филол. н., проф.^{1, 2} Тамбовский государственный технический университет**EN****Borodulina Natalia Yurievna**¹, Dr**Makeeva Marina Nikolaevna**², Dr^{1, 2} Tambov State Technical University¹ nat-borodulina@yandex.ru, ² marnikma@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.01.2024; опубликовано online (published online): 26.02.2024.

Ключевые слова (keywords): концепт; неологизм; словообразование; сетевые дискурсивные практики; concept; neologism; word formation; network discursive practices.